

Формирование русских фамилий в XX–XXI веках

© В. О. МАКСИМОВ

В статье анализируются фамилии, возникшие в XX–XXI веках. Автором предпринята попытка рассмотреть этимологию каждой из представленных фамилий.

Ключевые слова: история фамилии, фамильный антропоним, исторические события.

Из текста Указа Сената 1888 года следует, что и в последнее десятилетие XIX века официальные фамилии имели далеко не все граждане Российской империи: «Как обнаруживает практика, и между лицами, рожденными в законном браке, встречается множество лиц, не имеющих фамилий, то есть носящих так называемые фамилии по отчеству, что вызывает существенные недоразумения, и даже иногда злоупотребления... Именоваться определенной фамилией составляет не только право, но и обязанность всякого полноправного лица, и значение фамилии на некоторых документах требуется самим законом».

Из этого указа можно сделать один любопытный вывод, не связанный напрямую с филологической наукой, но важный для понимания исторического процесса образования русских фамилий.

Присвоение фамилий в Российской империи не носило характера специальной кампании. «Офамиливание» производилось поэтапно и охватывало те социальные слои населения, которым в изменившихся социально-экономических условиях фамилия становилась остро необходимой. Именно поэтому первоначально фамилии были закреплены в дворянстве, позднее – в купечестве: представители этих сословий чаще всего оказывались вовлечены в различного рода ситуации, требовавшие юридического оформления с указанием полной формулы именованя. По этой же причине особыми распоряжениями или без них официальные фамилии в обязательном порядке присваивались представителям других социальных или национальных групп российских граждан, отличавшихся особой мобильностью или деловой активностью. Это касалось, например, крестьян Русского Севера (не знавшие крепостного

права, они издавна совершали, например, операции купли-продажи земли, а это требовало документальной фиксации) или крестьян, переселявшихся в XVIII–XIX веках в Сибирь из западных и северных губерний империи (обустройство на новом месте жительство также требовало юридического оформления и, соответственно, указания ФИО: это стало одной из причин «консервации» среди сибиряков семейных прозваний, характерных для белорусско-украинских и западнорусских земель).

По этой же причине уже в начале XIX века, задолго до появления указа, объявившего обязательность наличия фамилии у всех граждан, были сделаны распоряжения в отношении представителей многочисленной еврейской диаспоры западных губерний Российской империи, ставших в конце XVIII века ее гражданами и стремившихся обустроиться на своей новой родине. Появление миллионной диаспоры народа, не имевшего опыта совместного проживания в рамках одного государства с особыми многовековыми традициями, заметно отличавшимися от других стран Европы, несомненно, вызвало определенные затруднения и оправданные опасения (их администрация, вероятно, и попыталась разрешить, введя первоначально вызвавшую острую критику «прогрессивной общественности» черту оседлости, одновременно организовав особый учет нового инационального населения, предприняв попытки их интеграции в новое для них общество и т.д.).

После отмены крепостного права стала расти и деловая активность крестьянства, что потребовало окончательного решения с оформлением их фамилий. При этом официальное оформление фамилий затронуло те слои крестьянства, которые стали переселяться в города или участвовать в сезонных работах и т.п. Теми же, кто оставался проживать в деревнях, потребность в фамилиях просто не ощущалась: в деревнях существовала своя традиция наследственных именовании, не имевших официального закрепления. Разумеется, по этой причине при возникновении необходимости оформления документов случались (и довольно часто) недоразумения, например, когда фамилией становилось прозвание по фамилии или чину бывшего владельца селения или его части: *Майоровы*, *Капитановы*, или, как это случилось с фамилией первого космонавта Юрия Алексеевича *Гагарина*, образованной от фамилии бывших владельцев *Гагариных*. Несложно представить, что в крупных селениях, в которых некогда проживали и государственные (казённые) и помещичьи крестьяне и ремесленники, такое разделение становилось причиной возникновения коллективных прозвищ: отсюда позднее и получили свои фамилии *Государевы*, *Сударевы* (от сокращения «государевы» – «сударевы») или *Казённовы*, а также *Гагарины*, *Бибиковы* и т.д.: «В 1861 году в Рязанской губернии больше 5 тысяч крепостных принадлежали Кошелеву. Так появились во многих районах Кошелевы – потомки крепостных» [1].

Заметим, впрочем, что в отношении этой части населения не совсем корректно говорить об отсутствии у них фамилий. Правильнее будет назвать их обладателями «незакрепленных» фамилий. Все они к этому времени были многократно учтены в различных документах местных администраций. Возможно, их указывали под разными фамилиями: в одном случае могло быть отчество, в другом дедичество, в третьем уличная фамилия, отчего и возникали, как сказано в Указе 1888 года, «существенные недоразумения, и даже иногда злоупотребления». Но в их распоряжении не было одного документа, который считался бы и воспринимался самими его обладателями как главный, отражающий официальную форму их полного именованья.

Октябрьская революция 1917 года и разразившаяся после этого Гражданская война нанесли урон многим областям административного, экономического, социально-культурного устройства Российской империи. Как и в годы Первой мировой войны, это стало причиной появления большего числа сирот, беспризорников разных возрастов, но с той разницей, что события конца 20-х годов охватили не только западные губернии бывшей Российской империи, а практически все области Советской России и других республик, возникших на территории бывшей Российской империи. Схожая история повторилась и в годы Великой Отечественной войны. Во всех случаях детям, попавшим на казенное обеспечение (в приюты, детские дома, колонии и т.д.) и не знавшим или не помнившим своих фамилий, присвоение фамилий осуществлялось решением администрации этих заведений. Этим объясняется пестрота искусственных фамилий, возникших при подобных обстоятельствах, например: «В 20-е годы в Нижнем Новгороде строили автозавод – стройка называлась Автострой. А в Поволжье тогда был страшный голод. Местных жителей эвакуировали в более хлебные края. Во время посадки на поезд одна женщина потеряла своего младшего сына. Так и уехала с тремя старшими – что оставалось? А младшего нашла женщина, работавшая на Автострое. Она усыновила найденныша. И так получилось, что мальчишка стал “сыном стройки”. Назвали его *Валерием Павловичем* в честь Чкалова, фамилию дали *Автостроев*» [2]; «1 августа 1987 года в Днепропетровске собралось две тысячи бывших воспитанников детских домов разных лет. У многих представителей военного поколения были характерные фамилии – *Неизвестный, Сирота, Орден, Пехота, Солдатов*... Только *Неизвестных* насчитал семь человек» [3].

Своеобразным возвращением к древним традициям именованья являются факты присвоения в детских домах фамилии *Найдёнов / Найдёнова*: в старину мирское имя *Найдён* также давалось сиротам, но и родным детям в качестве своеобразного оберега от нечистой силы. Кроме того, сотрудники таких учреждений стремились запечатлеть в фамилиях сирот обстоятельства, в частности место, где они были найдены: «Найденную

на Северном Кавказе девочку называли *Эльхота Архонская* по названиям двух североосетинских селений: *Эльхотово* и *Архонская*» [4].

Одна из таких историй возникновения фамилии «непрозрачной» с точки зрения мотивации (она возникла при традиционных обстоятельствах – как патронимическая – и в предшествующие периоды русской истории) была рассказана профессором М.В.Горбаневским на лекции в ИИЦ «История фамилии» в 2006 году. В середине 80-х годов в городе Суздале Владимирской области он познакомился с сотрудником Суздальского объединенного историко-культурного музея-заповедника Юрием Юрьевичем Юрьевым (1944–2014). Приказом директора музея-заповедника Юрий Юрьевич был назначен первым в Советском Союзе штатным звонарем. Он прошел практику у архангельских звонарей, подробно изучил историю и технологию отливки колоколов. Результатом его деятельности стало то, что спустя несколько лет колокольные звоны Суздальского Спасо-Евфимьевского монастыря стали неотъемлемой частью любой сколько-нибудь значимой экскурсии по Суздалю. О Ю.Ю.Юрьеве были сняты фильмы, было много публикаций в СМИ. Но, разумеется, все внимание в этих материалах было приковано к деятельности звонаря. Однако столь редкое сочетание фамилии-имени-отчества не могло не вызвать интереса ученого-ономастолога, уже много лет занимавшегося исследованиями в области русской ономастики. Поскольку два увлеченных человека всегда проще находят общий язык, то между ними довольно быстро установились дружеские отношения, и в одной из неформальных бесед Горбаневский задал Юрьеву вопрос о необычном составе его полного именованья. И «ономастическое чутье» не подвело молодого ученого. Оказалось, что свои отчество и фамилию Юрьев получил при весьма необычных обстоятельствах. В годы войны он, будучи совсем маленьким, лишился родителей и мог воспроизвести лишь одно собственное имя из своей короткой биографии – свое собственное: «– Мальчик, как тебя зовут? – Юра. – Кто твой папа? – Юра. – А мама? – Юра. Так и решили сотрудники детского дома: быть найденышу Юрием Юрьевичем Юрьевым. А дату (1 мая 1944 года) и место рождения (Муром) ему записали в метрику “условно-приблизительно”» [5].

Выбор присваиваемой фамилии зависел от многих обстоятельств. Например, детям, которые временно оказывались на обеспечении какого-либо воинского подразделения, порой давали фамилию командира. Известны также случаи присвоения фамилий по роду войск, к которому относилось подразделение, например, зачисленному во взвод пулеметчиков, давалась фамилия *Пулеметов*; в батарею зенитчиков – *Зениткин*; тому, кто был определен в роту пехотинцев, могли присвоить фамилию *Пехотин* (но могла возникнуть такая фамилия и при обычных обстоятельствах от имени-прозвища родоначальника – *Пехота*) и т.д.

Необычайно интересна история фамилии двух замечательных и талантливых русских женщин, сделавших в XX веке знаменитой фамилию *Русланова*, – певицы Лидии Руслановой и актрисы Нины Руслановой. По своему происхождению они не являются родственниками и даже не должны были стать однофамилицами. Лидия Русланова (1900–1973) в детские годы звалась Агафьей Лейкиной. А свои новые имя и фамилию получила в детском приюте при саратовской Киновийской церкви, куда ее определили после того, как она осталась сиротой: отец погиб на Русско-японской войне; мать умерла, надорвавшись от тяжелой работы на кирпичном заводе, куда она устроилась, чтобы прокормить своих детей; бабушка, на попечении которой осталась Агафья и с которой они вместе ходили по окрестным деревням, распевая народные песни и прося милостыню, умерла через год. Имя и фамилию девочке поменяли потому, что в этот приют не брали крестьянских детей (ее содержание оплатила жена высокого чиновника, обратившая внимание на талант ребенка), а «Агафья Лейкина» звучало слишком простонародно [6].

Актриса Нина Русланова, родившаяся в год окончания Великой Отечественной войны, в возрасте примерно двух месяцев была подброшена на порог детского дома. Имя ей дали в честь воспитательницы, а фамилию – в честь Лидии Руслановой... за громкий голос [7].

Нам не удалось найти статистических данных об общем числе таких фактов присвоения фамилий, но можно предполагать, что оно составляло сотни тысяч. Их масштабы можно представить себе по таким свидетельствам: «Из районов, которые находились под угрозой оккупации, дети и детские учреждения эвакуировались в глубокий тыл. Только за период со второй половины 1941 г. по начало 1942 г. было вывезено 976 детских домов с 167 223 воспитанниками» [8].

Немалую лепту в увеличение числа и разнообразия российских фамилий внесла традиция произвольного изменения фамилий и использования псевдонимов. Иногда они выбирались из родственных линий (материнская фамилия) или по какому-либо иному обстоятельству (*Ленский*, *Онегин*); иногда по причине какого-либо отношения к данному географическому объекту (*Семёнов-Тяньшанский*, *Казак Луганский*); порой – без прозрачной или мотивированной номинации.

В этой подгруппе мы нередко сталкиваемся с трансонимизационной моделью образования антропонимов-фамилий. Фамилия *Станиславский* восходит к географическим названиям *Станислав*, *Станиславице*, известным на территории Речи Посполитой. Но великий Константин Сергеевич Станиславский (урожденный Алексеев) позаимствовал этот псевдоним у уважаемого им актера Алексея Федоровича Станиславского, который, кстати, тоже *Станиславским* звался лишь на сцене (настоящая его фамилия – *Марков*). А президент факультета журналистики МГУ им. М.В. Ломоносова Ясен Николаевич Засурский получил свою фамилию

лию лишь накануне поступления в школу. Его отец тоже носил другую фамилию – *Сторожев*, а *Засурским* стал сначала как поэт, придумав себе псевдоним, напоминающий о том, что он когда-то жил на острове, расположенном посреди реки Суры, на окраине города Пензы, то есть буквально «за Сурой».

Часть людей, изменявших фамилию на новую, увековечила в ней название своей малой родины (селения, местности, главной реки и т.п.). Так появились *Башкинские* из деревни Башкина, *Луганские*, *Днепровские*, *Костромские* и т.п.

При этом главной причиной изменения фамилии было недовольство ее прозрачной семантикой, воспринимавшейся как неподобающей для фамилии. Так *Губа Иван Акимович* стал *Губинский*; *Иосиф Моисеевич Бык* меняет фамилию на *Бек*; *Зануда Николай Андреевич* становится *Донцовым*, а *Мозоль Михаил Прокофьевич* – *Мозылевым*.

Но часто изменения носили более значительный характер или выбиралась совершенно новая фамилия, например: *Дурнев* переименовал фамилию на *Руднев*; *Плешивый* меняет фамилию на *Смирнов*; *Колбаса* меняет фамилию на *Колосов*; Варфоломей *Дуля* становится *Алексеем Шевченко*; *Платон Дриц* – *Платоновым*. Такую мотивацию демонстрируют и многие другие примеры, взятые из советских газет разных лет.

Особый пласт русской ономастической лексики представляют собой бытующие в России двойные фамилии. В современной орфографии их принято записывать через дефис: *Попов-Преснов*, *Кондратьев-Сапунов*, *Киселёв-Гулюкин* и т.д. Они немногочисленны, но ощущаются практически всеми как довольно необычное явление для всего российского многонационального фамильного антропонимикона. Исторический период, в который они возникли, охватывает всю историю формирования русских фамилий.

Древнейшими среди них являются фамилии княжеских родов, возникшие уже в XVI веке из прибавления к общему для всех представителей большого рода прозванию, полученному по названию владения, еще одного семейного прозвания, принадлежащего конкретной ветви этого рода (например, в роду князей *Оболенских* были фамилии *Кашины-Оболенские*, *Немые-Оболенские*, *Лыковы-Оболенские* и др.). К настоящему времени сохранилась лишь малая часть таких фамилий. Например, в роду князей *Ростовских*: *Щепины-Ростовские*, *Лобановы-Ростовские* и *Касаткины-Ростовские*.

В XVII веке были образованы боярские двойные фамилии: *Бобринцев-Пушкин*, *Мусин-Пушкин*, *Голенищев-Кутузов* и т.д. «Как правило, они возникали в результате обращения представителя боярского рода к царю с прошением добавить к имеющейся фамилии еще одну, восходящую к имени далекого подлинного или, чаще, мифического предка. Часто при

этом бралась фамилия другой семьи, с которой предполагалось родство» [9. С. 307].

Как отмечал Б.-О. Унбегаун, ни одна из этих фамилий не была образована путем прибавления к фамилии рода семейного прозвания по женской линии. Такая традиция, с давних времен известная в странах Центральной и Западной Европы, появилась в Российской империи лишь в самом конце XVIII века. Так возникли, например, фамилии *Воронцов-Дашков*, *Орлов-Денисов*, *Остерман-Толстой* и другие.

В XVIII–XIX веках число двойных фамилий пополнилось фамилиями, в которых второй компонент был высочайше пожалован вместе с титулом за выдающиеся заслуги: *Долгоруков-Крымский*, *Потёмкин-Таврический*, *Румянцев-Задунайский*, *Суворов-Рымникский*, *Дибич-Забалканский* и т.д.

После включения в состав Российской империи большей части бывшей Речи Посполитой фамильный антропонимикон пополнился двойными фамилиями польских дворян, образованными путем прибавления к собственной родовой фамилии названия общего для нескольких шляхетских семейств герба: *Бонч-Бруевич*, *Корвин-Пиотровский*, *Корбут-Дашкевич* и т.д. Причем, как отмечал Б.-О. Унбегаун, значительная часть таких фамилий возникла в XIX веке: мода добавлять к своей фамилии название герба получила особенное распространение. Под влиянием этой моды и в других сословиях было образовано большое число польских и белорусско-украинских двойных фамилий, в которых одной частью традиционно является исторически сложившееся родовое прозвание, а другой – не название герба, а семейное прозвание одной из ветвей этого рода, образованное от имени родоначальника данной ветви или от географического названия: *Дунин-Борковский*, *Дунин-Галецкий*, *Дунин-Слепец*, *Одлянцкикий-Почобут* и т.д. [Там же. С. 310].

Часть двойных фамилий возникла исключительно из-за желания придать ей необычное звучание, например, за счет удвоения фамилии и прибавления ко второй части суффикса *-ский*: *Лозина-Лозинский*, *Май-Маевский*, *Прилука-Прилуцкий* и т.д. Отметим, что такое удвоение фамилии не всегда сопровождалось прибавлением суффикса *-ский*: вероятно, именно так возникла фамилия *Цаль-Цалько*.

Таким образом, к началу XX века в Российской империи сложилась целая система способов образования двойных фамилий, основанная на разных традициях.

Резко изменилась ситуация после 1917 года. Ранее этого периода, как мы могли видеть, двойные фамилии были признаком принадлежности к аристократии или претензией (выраженной лишь изменением фамилии) на такую принадлежность.

Разумеется, в послереволюционный период эта атрибутика стала небезопасной. Множество семей, обладавших двойными фамилиями, даже

изменили их написание, ограничившись одной лишь частью. Зато неожиданным образом проявились последствия эмансипации женщин, вызванные социальными переменами в России. По этому поводу интересную статистику привел Б.-О. Унбегаун, полученную им на основании данных телефонного справочника Ленинграда за 1961 год. Из 259 обнаруженных им в справочнике двойных фамилий 129 принадлежали женщинам. По мнению ученого, это объясняется тем, что эти фамилии возникли из сложения девичьей фамилии женщины и фамилии ее мужа, причем, как отметил автор, такой обычай «широко распространен среди работающих женщин». Действительно, нам известны такие примеры, но они не столь многочисленны, чтобы именно ими можно было объяснить заметное превышение числа женских фамилий в подобных справочниках. При этом можно быть уверенными, что их число сильно превышало число мужских, поскольку необходимо учитывать и несклоняемые фамилии, не имеющие гендерных признаков.

В связи с этим поделимся одним интересным наблюдением, сделанным нами при обработке телефонных баз разных городов России. В центральных и северных регионах в таких базах, безусловно, преобладают записи женских фамилий: *Иванова* встречается значительно чаще, чем *Иванов*, *Савельева* чаще, чем *Савельев*, по некоторым фамилиям даже встречается двукратное превышение. Но это связано не с численным преобладанием (во всяком случае, настолько значительным) женского населения над мужским, а лишь с тем, что в русской традиции значительную часть таких имущественных вопросов принято доверять женской половине: домашний телефон чаще оформляется на имя жены. Иная картина обнаруживается в южных городах, в Татарстане и Башкортостане. В большинстве случаев в телефонных справочниках здесь более частотны упоминания мужских фамилий: *Хабибуллин* – чаще, чем *Хабибуллина*, *Абдуллин* – чаще, чем *Абдуллина* и т.д. Вероятно, это связано с особенностями менталитета. Но самое интересное, что такая особенность отражается и на представителях других народов: фамилия *Иванов* здесь тоже встречается чаще, чем *Иванова*, и т.д.

В заключение описания традиций образования двойных фамилий отметим, что их образование не прекращалось и на протяжении большей части XX века и, заметно активизировавшись в 90-х годах столетия, продолжается и сегодня. Характерно, что при этом совершенно не наблюдается стремление изменять эти фамилии при помощи их дооформления суффиксом *-ский*. Оба компонента двойной фамилии, как правило, сохраняют исконное звучание: *Щербинин-Сучков*, *Гордеев-Головешко*, *Горшков-Волков*, *Добкин-Демидов*, *Попов-Преснов*, *Кондратьев-Сапунов*, *Киселев-Гулюкин*, *Синельников-Мурылев*, *Мамонтов-Веселов*, *Федосеев-Климов*, *Андрянов-Ушаков*, *Никотин-Мартынов*, *Голубев-Зарезов*, *Гальцев-Мунтян*, *Воронин-Федорчуков*, *Смирнов-Буланцев*,

Монахов-Ильин, Колобков-Крупчатников (данные примеры взяты из списка фамилий, обладатели которых обращались в ИИЦ «История фамилии»: часть из них достоверно знает о недавнем происхождении двойной фамилии).

Следует упомянуть о еще одном типе фамилий, которые по своей форме схожи с двойными, но не являются таковыми: *Гуляй-Поле, Гуляй-Беда, Кара-Мурза, Копай-Гора, Шам-Паши* и др. Они возникли не из сложения двух семейных прозваний, а восходят к двусоставному личному имени. Некоторые из них имеют и другую форму записи (*Копай-гора, Карамурзин*), что напоминает о вариативности графических форм записи личных и фамильных антропонимов. После документального оформления новой формы фамилии, которая могла быть произведена и сегодня, и в прошлом столетии, каждый из вариантов приобретает юридический статус и в юридическом смысле не является тождественным исходному.

Несмотря на то что все граждане России давно имеют официальные фамилии, процесс образования новых фамилий не закончился. И, вероятно, не закончится никогда. Об этом свидетельствует статистика случаев перемены фамилий. Самый большой процент таких случаев составляет смена фамилии женщиной в связи с замужеством. При этом, как правило, не возникает новой фамилии. Но продолжается и процесс смены фамилий на новые теми гражданами, которым по тем или иным причинам не нравилась их прежняя фамилия. Во многих случаях, как и в начале XX века, это связано с еще более возросшей мобильностью населения.

Диалектные фамилии, привычные жителям одной конкретной деревни и давно не вызывавшие у них никаких эмоций, в случае переселения в крупный город нередко создают их обладателям массу проблем. Кроме того, что непривычная новым соседям и коллегам форма или семантика основы может вызывать насмешки, важно и то, что заметно возрастает и общее, и ежедневное число актов речевой коммуникации, в которых обладатели «необычных» фамилий испытывают дискомфорт от повышенного внимания к их фамилии, от нежелательной для них актуализации одного из компонентов плана содержания их фамильного антропонима.

И, наконец, определенный процент актов смены фамилии вызван не сменой социального статуса или переменной места проживания, и даже не наличием каких-либо объективных или субъективных причин у носителя той или иной фамилии быть ею недовольным. Известны и случаи многократной смены человеком фамилии за период 2–5 лет, что, несомненно, носит в определенной степени игровой характер или свидетельствует о нарушениях психики данного человека.

В настоящее время процент таких случаев невысок, но простота и малая стоимость юридической процедуры смены фамилии, а также изме-

нившиеся представления об эстетической стороне семантики фамильных антропонимов приводит людей к смене фамилий. Если в начале XX века «неприятной» казались фамилии *Зануда*, *Дриц*, *Гноевой* и *Тупорылов*, то уже в 90-е годы от посетителей ИИЦ «История фамилии» неоднократно приходилось слышать рассуждения о том, что их фамилия, например *Горшков*, *Лопатин*, *Лаптев* или *Блохин*, кажется им слишком простонародной или (так было сказано собеседником) «приземленной».

С изменением условий труда и быта, исчезновением многих реалий прошлого, в частности предметов домашнего обихода, одежды и т.д., изменяется отношение к основам фамилий, сохранившим их названия. Поэтому можно предполагать, что в ближайшее время в России возникнут фамилии, искусственно образованные от лексических основ, появившихся в русском языке лишь в XXI веке или просто заимствованных из других языков и никогда не использовавшихся в качестве личных антропонимов.

Литература

1. *Никонов В. А.* Рассказывают рязанские фамилии (о происхождении фамилии) // Наука и жизнь. 1986. № 6.
2. *Леонтьева В.М.* «От всей души». Интервью, опубликованное на портале «Ностальгия по советскому», <http://1001material.ru/2446.html>
3. У войны – детдомовское эхо... Воспоминания собратьев по судьбе в канун 70-летия Победы. Молодежь Дагестана. Общественно-политический еженедельник. 2015. 1 мая. http://md-gazeta.ru/articles/obshchestvo/u_voyny_detdomovskoe_ekho/
4. *Суперанская А.В., Сулова А.В.* Современные русские фамилии. М., 1981.
5. *Горбаневский М.В.* Имя. История. Эпоха. Публичная лекция из архива ИИЦ «История фамилии». М., 2006.
6. Из детдомовцев – в знаменитости. Собеседник. 2010. 14 окт.
7. В детдоме мне дали имя воспитательницы и фамилию – Русланова, за мой голос. Сегодня (Украина). 2005. 12 дек.
8. Органы и войска МВД России. Краткий исторический очерк. М., 1996.
9. *Унбегаун Б.-О.* Русские фамилии. М., 1995.

*Гильдия лингвистов-экспертов
по документационным и
информационным спорам (ГЛЭДИС)
Москва*